

Фильм под названием «Рассвет и сумерки» в каком-то смысле перекликался с географическим понятием линии терминатора: один шаг вперед — и ты в лучах утреннего солнца, шаг назад — и тебя поглощает ночная тьма.

Главного героя картины звали Мэн Цяоци. Его отец, полицейский из отдела по борьбе с наркотиками, погиб во время одной из спецопераций. Цяоци пошел по его стопам: стал капитаном спецотряда, воплощением чести и бесстрашия, поклявшись искоренить наркоторговлю до последнего дилера.

Переломный момент в жизни героя наступает после очередного задания. В ходе облавы преступники вводят Мэн Цяоци наркотик, и с этого мгновения вся его судьба летит под откос.

В сценарии «Рассвета и сумерек» было две важные женские роли. Первая — его «белый лунный свет», недостижимый идеал и предмет робкой симпатии; медсестра из пансионата, где живет его мать. Мэн Цяоци планировал признаться ей в чувствах сразу после той роковой операции. Вторая — его бывшая одноклассница, с которой он столкнулся уже в разгар своего мучительного падения. Теперь она — мелкая сошка в банде, торговка смертью и та самая женщина, что когда-то всадила ему шприц.

В задумке Су Цзина эти две женщины противопоставлялись друг другу: утро и сумерки, свет и тьма, белая роза и красная.

Именно любовную линию Мэн Цяоци и «Красной розы» Бай Муюнь хотел переключить. В первоначальном варианте их чувства были слишком явными, романтизированными; Муюнь же настаивал на том, чтобы сделать их зыбкими и неопределенными.

— Пусть это будет взаимное признание талантов, или родство душ, или просто сочувствие двух калеk, разделяющих общую боль... — рассуждал он. — Что угодно, лишь бы зритель сам додумывал суть. Споры и обсуждения только подогреют интерес к фильму.

— Хм, согласен. — Лу Янь, низко склонившись над сценарием, изучал пометки Муюня. Он то и дело набрасывал на полях карандашные эскизы, похожие на раскадровку. — Но ведь у тебя есть и другие соображения, верно?

Лу Янь в моменты погружения в работу был по-особенному притягателен. Бай Муюнь впервые видел его таким — сосредоточенным, деловым. Это был их первый совместный разбор фильма, их первый общий проект. И Муюнь не мог не испытывать легкого сожаления от того, что автором сценария был не он сам.

Лу Янь поднял на него взгляд:

— Учитель Бай?

Муюнь отхлебнул воды из стакана, пряча легкое замешательство:

— О чем ты?

Лу Янь усмехнулся:

— У меня такое чувство, будто ты превратил «Белую розу» в последнюю черту для Мэн Цяоци. В сценарии его принципы и границы рушатся один за другим, он медленно тонет в ночи, но всё же борется, отчаянно стремясь к свету. А ты, — Лу Янь провел черту на бумаге, — провел для него здесь границу. Пока он ее не перешагнул, у него остаются шансы и надежда.

— Эту линию можно считать верностью любви, а можно — последней соломинкой, связывающей его с прошлой, светлой жизнью. Если он переступит черту, то навсегда останется во тьме. Мэн Цяоци обязан держаться за эту нить до последнего, потому что в глубине души он всё еще жаждет света. Я прав?

Бай Муюнь не выдержал и улыбнулся. Прошло двенадцать лет, но их поразительное единодушие никуда не делось. Лу Янь всё так же понимал его с полуслова. Эта гармония, не требующая лишних объяснений, отзывалась в душе приятным трепетом.

— Именно так.

Лу Янь рассмеялся в ответ.

Они просидели за обсуждением до самого вечера.

— Проголодался? Господин Чу сказал, что сегодня не вернется, так что ужин на мне.

— Когда это ты успел с ним связаться?

— Ну... я попросил Сяо Аня дать мне номер.

Заметив, что Муюнь помрачнел, Лу Янь втихомолку хихикнул:

— Что, неужели ревнуешь?

— Много на себя берешь.

У Лу Яня были причины для таких подколов. Еще в старшей школе он обожал песни Чу Цзяньцина. Тот тогда и сам был школьником, но уже всю гремел на всю страну. Нельзя сказать, что его крутили на каждом углу, но у семи из десяти учеников в плеерах обязательно

находились его треки.

Раннее творчество Чу Цзяньцина — смесь рока и драйва с редкими вкраплениями лирических баллад — действовало на подростков магически. Лу Янь не был исключением: если он надевал наушники, там неизменно звучал Цзяньцин; в телефоне хранились его украдкой сделанные снимки, в тетрадях — переписанные тексты песен, а в сети — восторженные комментарии в адрес кумира...

Бай Муюнь в те времена буквально изнывал от ревности, источая вокруг себя чистейшую кислоту.

«Перестань это слушать, ничего особенного. Хочешь, я тебе сам спою?»

«Но у тебя получается не так красиво, как у брата Чу...»

«Зачем ты переписываешь эти стихи? Лучше классику почитай, тут рифмы так себе».

«А мне нравится. По-моему, очень круто».

«Хватит сидеть в интернете. Учись прилежно, грызи гранит науки!»

«Я просто одним глазком гляну...»

«Да на что там смотреть? Смотри на меня, твой парень вообще-то ревнует».

«О, наконец-то ты в этом признался!»

Муюнь тогда жутко обижался:

«Да, признался. Не смотри на него, смотри только на меня».

«Хи-хи-хи, ну вы же разные! Разве можно сравнивать парня и кумира?» — Лу Янь продолжал его дразнить. — «Парень может меня поцеловать, а кумир — нет. Парень должен быть рядом, а кумиру это ни к чему», — он придвинулся к самому уху Муюня и прошептал: — «Я собираюсь быть со своим парнем очень долго. И ему со мной можно делать всё что угодно, а кумиру — нельзя. Мой парень принадлежит только мне, а кумир — всем».

Муюнь слушал его шепот, чувствуя, как вспыхнули уши, а потом просто сгреб Лу Яня в охапку, утыкаясь лбом в лоб:

«Мне плевать. Просто обещай, что будешь реже на него пялиться».

— Знаешь, когда я увидел, как господин Чу готовит тебе завтрак, я от ревности напрочь забыл, что он мой кумир. Только и думал о том, как бы с ним поквитаться, — признался Лу Янь, вспоминая недавние события. Ему до сих пор было немного неловко.

Муюнь на мгновение лишился дара речи. На душе потеплело, но он изо всех сил старался сохранить невозмутимый вид.

— Дашь мне шанс исправиться?

Бай Муюнь попытался отказаться. Но попытка с треском провалилась.

Он смотрел, как Лу Янь подходит к холодильнику, заглядывает внутрь и оборачивается с вопросом:

— Как насчет жареной лапши?

— Пойдет. — Муюнь откинулся на спинку дивана, не сводя глаз с Лу Яня. В его взгляде читалась едва уловимая нежность.

— «Пойдет», «всё равно»... — фыркнул Лу Янь. — Смотри, попробуй только не съесть то, что я приготовлю!

— И в мыслях не было...

Кухня в доме Муюня была открытого типа, так что из гостиной всё просматривалось как на ладони. Он заметил, что Лу Янь начал мыть овощи, даже не закатав рукава — так ведь легко одежду намочить. Муюнь хотел было сделать замечание, но тут зазвонил телефон.

Взглянув на экран, он всё же бросил Лу Яню: «Закатай рукава», и только потом ответил.

— Да, брат.

Из трубки донесся мягкий голос Бай Тиншаня:

— Я скоро буду. Хочешь чего-нибудь вкусненького?

—...

— Мне не сложно, лишь бы ты был доволен.

Муюнь усмехнулся:

— Что, Верховный император снова погнал тебя на свидание?

— Угу... — протянул Тиншань в трубку. — Спи спокойно, крошка, никакой невестки нет и не предвидится, я тебя не брошу. Всё, выезжаю...

Муюнь молча слушал, как брат ломает комедию перед кем-то на том конце провода.

— Хорошо-хорошо, всё куплю, только води себя прилично, ладно? — добавил Тиншань и уже нормальным тоном произнес: — Перезвоню позже.

— Угу.

Бай Тиншань был его старшим братом по отцу; кроме него, имелся еще и младший.

Тиншань — сын первой любви их отца, Бай Юэ. Он был старше Муюня на четыре года. В десятилетнем возрасте этот мальчик в одиночку заявился в компанию к Бай Юэ и, когда тот вышел к нему в окружении свиты топ-менеджеров, совершенно невозмутимо произнес: «Папа».

В тот день челюсти поотвисали у всех присутствующих.

Бай Юэ сына признал. Тиншань рос удивительно рассудительным и хладнокровным ребенком. Его деловая хватка со временем превзошла отцовскую, а к братьям он относился с такой заботой, что порой заменял им отца. Он совершенно не опасался конкуренции за наследство. Несмотря на все подростковые бунты младших, Тиншань оставался для них оплотом спокойствия — более родным, чем любой кровный брат, и более заботливым, чем родной отец.

Тиншаня в светских кругах безмерно уважали. В богатых семьях родственники часто готовы глотки друг другу перегрызть за лишний процент акций, а Тиншаню было плевать. Он никогда не проявлял ни тени враждебности или подозрительности к братьям от других матерей.

Бай Тиншань был «второй странностью» в семье Бай.

Первой «странностью» считался сам глава клана — Бай Юэ.

Муюнь когда-то говорил, что не понимает ни отца, ни братьев. Со стороны их семейка и впрямь выглядела диковато. Если выражаться мягко — они были «неординарными».

Бай Юэ, гений бизнеса, сокрушающий конкурентов одной улыбкой, в делах сердечных был полным профаном. Казалось бы, не везет в любви — сосредоточься на работе. Но нет, он с маниакальным упорством продолжал биться головой о стену под названием «романтика». У него было бесчисленное множество пассий, и финал всегда был один: либо ему изменяли, либо его бросали.

Мать Бай Муюнь, Юнь Цинцин, была как раз из тех, кто наставил ему рога.

Всё случилось по законам плохой мелодрамы: её первая любовь вернулся из-за границы и предложил воссоединиться. Пока они разбирались в своих чувствах, Бай Юэ получил статус рогоносца. Последовал развод.

Раньше Муюнь, не зная подробностей, злился на обоих родителей. Но когда правда всплыла, его неприязнь к матери только окрепла, а к отцу добавилась капля сочувствия. По логике вещей, у такого завидного жениха, как Бай Юэ, не должно было быть проблем на личном фронте. Муюнь пытался разобраться в причинах и выяснил забавный факт: IQ и EQ его отца в бизнесе зашкаливали, но в любви ситуация была плачевной. Интеллект позволял ему безошибочно считывать мысли и чувства женщин по малейшему жесту, но полное отсутствие эмоционального такта заставляло его озвучивать эти мысли вслух, невзирая на неловкость момента.

Бай Юэ терпел поражение за поражением, но, даже будучи в почтенном возрасте, продолжал верить в любовь с каким-то фанатичным упорством. Прямо сейчас он встречался уже бог знает с какой по счету «той самой». При этом он обожал совать нос в личную жизнь сыновей. Его особенно беспокоило, что тридцатилетний Тиншань всё еще холост, поэтому он постоянно устраивал ему свидания вслепую. Тиншань, не имея никого на примете и будучи почтительно-сыновним, обреченно соглашался. Отсюда и та сцена с телефонным звонком.

Когда Бай Муюнь совершил каминг-аут, Бай Юэ лишь ненадолго задумался, а потом выдал: «Ну, свидания с мужчинами тоже вариант». Муюнь тогда решительно отказался. Младшего же сына, Бай Мяо, отец и вовсе поощрял к ранним отношениям.

«Третьей странностью» семьи Бай был, разумеется, сам Бай Муюнь.

Достигнув совершеннолетия, он отказался от поддержки семьи. Свои первые деньги и инвестиции в первый фильм он получил от продажи прав на свои романы. Годами он пробивался в индустрии без всякого кумовства и ресурсов Группы Бай, пока не взобрался на самый пик. До сих пор широкая публика не имела ни малейшего представления о его происхождении.

И, наконец, «четвертая странность» — младший брат, Бай Мяо.

Долгое время Муюнь верил, что мать Мяо увела отца у Юнь Цинцин, став причиной их развода. К тому же в детстве Сяо Мяо был невыносимым сорванцом, так что Муюнь его терпеть не мог и частенько воспитывал кулаками. Но произошло нечто странное: после нескольких затрецин

Мяо вдруг проникся благоговением перед старшим братом. Он решил, что Муюнь — невероятно крутой боец, а когда его собственная мать развелась с отцом, мальчик и вовсе вообразил их с Муюнем товарищами по несчастью. С тех пор он ходил за ним хвостиком.

Их отношения постепенно наладились, но Мяо оставался бунтарем вплоть до самого университета. А потом что-то случилось. Буквально за одну ночь парень повзрослел. Муюнь пытался разузнать подробности; поговаривали, что смерть какого-то важного для него школьного учителя заставила Мяо протрезветь. Окончив университет, он, к общему недоумению, уехал в глухую деревню работать волонтером в программе по борьбе с бедностью. Глубины его души не понимал никто.

Вскоре Тиншань перезвонил.

— Закончил сеанс связи? — подколот его Муюнь.

— Ох... — Тиншань тяжело вздохнул. — Отец велел передать, чтобы ты возвращался на Новый год.

— Он разве не собирался за границу со своей пассией?

— Расстались. Он в трауре.

Муюнь хмыкнул:

— Опять?

— Говорит, она любила его деньги, а не его душу.

—... Ясно.

— Так ты свободен на праздники?

Муюнь посмотрел на кухню, где возился Лу Янь. Взгляд скользнул ниже — рукава того уже порядком намокли. Муюнь нахмурился.

— Свободен.

— Отлично. Тогда...

— Брат, давай споем в вичате, я сейчас занят.

—... Ну ладно.

Муюнь отложил телефон и направился к кухне.

— Лу Янь, я же просил тебя закатать рукава.

— А? Не слышал, — он обернулся.

Муюнь протянул руку, собираясь помочь ему, но тот ловко уклонился:

— Да ладно, всё равно уже мокрые.

— Тем более надо закатать. Тебе что, удобно так? — удивился Муюнь.

— Тогда одолжи мне свою одежду, — Лу Янь расплылся в лукавой улыбке.

Муюнь прищурился:

— Ты это специально?

— Вовсе нет. Так одолжишь?

—...

Муюнь понял, что с этим парнем спорить бесполезно.

— Жди здесь. И рукава всё-таки закатай.

— Сначала за одеждой сходи!

Муюню показалось, что Лу Янь просто заупрямился из-за какой-то ерунды. Это было странно.

Он развернулся, чтобы подняться вверх, но на полпути резко обернулся. Лу Янь поспешно одернул рукав, который начал было закатывать.

— Что такое? — Лу Янь занервничал.

— У тебя сейчас всё сгорит.

— Ой! Точно! — Лу Янь кинулся спасать свою лапшу.

Муюнь нахмурился и медленно поднялся по лестнице. Секунду назад он отчетливо видел на руке Лу Яня какой-то черный узор. Будь это обычная татуировка, Лу Яню не было бы смысла ее скрывать. Значит, там было что-то такое, что он не хотел показывать именно ему.

Что же это? Имя другого мужчины?

<http://bllate.org/book/18159/1758166>